

Цзян Хуай лениво пролистал несколько страниц маньхуа — этот том он уже читал, но всё равно принялся разглядывать рисунки по второму кругу.

Второй брат вышел на балкон, чтобы поговорить по телефону с родными, так что в комнате они остались вдвоём.

Фу Байцинь доел свой обед, спустился вниз выкинуть мусор и вскоре вернулся. Переступая порог, он заметил Цзян Хуая, полулежащего на кровати, и на мгновение запнулся.

— Собираешься отдохнуть?

Цзян Хуай слегка растерялся, но всё же кивнул. Едва он ответил, как Фу Байцинь подошёл к окну и задёрнул плотные шторы.

В выходные в мужском общежитии обычно пустеет: кто-то уходит на свидание с девушкой, кто-то пропадает на баскетбольной площадке, так что в их комнате царила редкая тишина.

Едва шторы сомкнулись, полумрак погрузил спальню в ту уютную, умиротворяющую атмосферу, что так и манит уснуть.

Вообще-то Цзян Хуай спать не собирался, но, усмотрев в действиях сожителя намёк на отдых, убрал комикс и замер, стараясь не издавать лишних звуков.

В этот момент в комнату тихо скользнул Второй брат. Оценив царящий сумрак, он на мгновение решил, что перепутал двери. А уж когда его взгляд упал на Цзян Хуая, зарывшегося в одеяло, Второй и вовсе опешил. Он же только в десять утра проснулся! Время едва перевалило за час — неужто опять завалился спать?

Изумление изумлением, но шаг Чжоу Туань всё же сбавил и, подойдя к кровати Цзян Хуая, тихонько постучал по изголовью.

Из-под одеяла тут же показалась физиономия — бодрая, без малейшего намёка на сон.

Встретившись с его совершенно ясными глазами, Второй брат едва заметно дёрнул уголком рта:

— Слушай, меня девчонка на свидание зовёт, так что сегодня не вернусь. Тебе привезти чего-нибудь из города?

Ехать на свидание в пределах кампуса никто не станет — Чжоу Туань явно собирался в центр. Цзян Хуай ненадолго задумался, и в памяти всплыл восхитительный вкус шоколада, которым его в день приезда угостил Фу Байцинь.

— Захвати шоколада, — попросил он, почувствовав, как разгорается аппетит.

Второй брат показал жест «ОК» и лихо выскочил за дверь.

Стоило ему уйти, как с нижней полки донёлся голос Фу Байциня, который до этого молчал:

— Будешь трескать столько шоколада — свалишься с жаром.

Цзян Хуай обомлел, не зная, как реагировать на столь неожиданное замечание:

— А...

Фу Байцин, видимо, сам понял, что его тон прозвучал слишком резко — эдакое строгое нотационное внушение. Он на секунду замялся, приподнял тонкие века и сдержанно пояснил:

— Я к тому... что тебе стоит сбавить обороты со сладостями.

Только тогда Цзян Хуай облегчённо перевёл дух.

Перемена на его лице оказалась слишком очевидной. Фу Байцин озадаченно нахмурился:

— Ты меня боишься?

От одной мысли об этом внутри у него почему-то кольнуло неприятное чувство.

Цзян Хуай торопливо замахал руками:

— Вовсе нет! Просто мы ещё толком не притёрлись друг к другу. Пообщаемся поближе — и всё наладится.

Он попытался перевести всё в шутку, как вдруг заметил, что Фу Байцин, бросив на него быстрый взгляд, слегка улыбнулся.

— Не бойся меня. У меня не три головы и не шесть рук.

С обычно холодным и отстранённым лицом он смотрелся сейчас настолько непривычно, что Цзян Хуай на миг замер, залюбовавшись этой мимолётной ухмылкой, и даже усомнился, не показалось ли ему.

Впрочем, Фу Байцинъ тут же вернул себе привычное невозмутимое выражение.

После ухода Второго брата в комнате стало ещё тише.

Фу Байцинъ прилёг отдохнуть на нижней койке, а Цзян Хуай, ворочаясь с боку на бок, так и не смог сомкнуть глаз.

В итоге он решил отправиться в художественную студию.

Идеи для новой маньхуа пока казались сбивчивыми и разрозненными — самое время было привести мысли в порядок и набросать концепт.

Провалившись до середины дня, Цзян Хуай уловил шорох и поднялся с постели.

На удивление, Фу Байцинъ не ушёл в библиотеку, а остался в комнате и медленно пил воду.

Спустившись с верхнего яруса, Цзян Хуай вспомнил их недавний разговор, обернулся, чтобы поздороваться, и принялся собирать вещи со стола.

Фу Байцинъ, держа в руках кружку, мельком взглянул на него:

— Уходишь?

Цзян Хуай кивнул:

— Ага, хочу посидеть в мастерской.

Он уже уложил всё необходимое в рюкзак и направлялся к выходу, когда Фу Байцинъ неожиданно произнёс:

— Возьми зонт. Во второй половине дня пойдёт дождь.

Бросив эту фразу, он отвернулся.

Цзян Хуай взглянул на чистое, ясное небо за окном, затем перевёл недоумённый взгляд на сожителя, помедлил и достал телефон. Прогноз погоды действительно обновился: в районе пяти вечера обещали ливень.

Вернувшись за зонтом и поблагодарив Фу Байциня, он выбежал из комнаты.

Фу Байцин, опираясь о дверной косяк с кружкой в руке, проводил его взглядом и лишь после этого допил воду.

В выходные в мастерской было пусто. Завершив привычные учебные задания, Цзян Хуай достал свой альбом для набросков.

В этот раз ему хотелось нарисовать историю о зверушках в мире зверолов.

Вдохновение для нового комикса подарила собака-поводырь.

Во время недавней поездки они с Цинь Чжэном увидели на улице собаку-поводыря, бредущую в одиночестве. Что-то в этой картине зацепило Цзян Хуая за живое, пробудив в голове неясный образ.

И пусть пса вскоре забрали сотрудники службы, эта сцена никак не выходила у него из головы.

Ему захотелось придумать двух главных героев — незрячего Господина Кролика и преданную собаку-поводыря.

Цзян Хуай прикрыл глаза, после чего уверенными движениями карандаша наметил на плотной бумаге силуэт статного, крупного пса.

Изначально он планировал нарисовать обычную собаку, но в процессе работы перед глазами почему-то с неумолимой чёткостью всплыл взгляд Фу Байциня.

Рука с карандашом на мгновение странно замерла. Поддавшись неясному порыву, вместо задуманного пса он нарисовал величественного Белого Волка.

Опомнившись, Цзян Хуай отстранился и уставился на гордого, холодного хищника на бумаге. Уголки его губ дёрнулись.

«Волк-поводырь? Да где это видано?!»

Он отложил карандаш, намереваясь скомкать испорченный лист и выбросить в корзину, но, взглянув на породистого, невероятно выразительного Господина Белого Волка, помедлил. В итоге набросок остался цел и отправился в папку к остальным рисункам.

Едва он успел убрать вещи, за окном зашуршал частый дождь. Морось в считанные мгновения переросла в настоящий стеноподобный ливень.

Цзян Хуай застыл, переводя взгляд на окно, и мысленно похвалил себя за то, что послушал Фу Байциня. Не предупреди тот вовремя — пришлось бы застрять здесь надолго.

Немногочисленные студенты, находившиеся в мастерской, прикрыли головы книгами и выскочили под потоки воды.

Раскрыв зонт у входа, Цзян Хуай бережно прижал к груди рюкзак с рисунками и прибавил шаг по направлению к общежитию.

Стихия разбушевала всерьёз, и надежды на то, что ливень быстро прекратится, не было. Остаться в студии до темноты значило усложнить себе дорогу в разы.

Несмотря на раскрытый над головой зонт, пока Цзян Хуай бежал, штанины у него всё равно успели вымокнуть.

Вбежав в корпус, он стряхнул капли с куртки и толкнул дверь в комнату.

Стоило начаться ливню, как Фу Байцин перевёл взгляд на окно. Увидев возвращающегося Цзян Хуая, он неосознанно расслабил нахмуренные брови, хотя его взор тут же опустился на мокрые штанины сожителя.

— Промок?

Цзян Хуай, убирая зонт, обернулся на голос:

— Ливень хлещет как из ведра, только понизу немного захватило. Спасибо, что предупредил, а то точно попал бы под раздачу!

От бега его тёмные волосы слегка взъерошились, и когда он повернулся, с прядей слетело несколько искрящихся капель. Со своей мягкой, лучистой улыбкой он до крайности напоминал пушистого кролика.

В памяти Фу Байциня внезапно всплыл львиноголовый кролик, которого он когда-то видел на выставке.

«Когда такой зверёк топорщит шерсть... он выглядит удивительно мило».

Эта мысль промелькнула в голове неожиданно и ярко. Фу Байцин едва заметно смутился и

отвёл взгляд.

Цзян Хуай разложил вещи, прихватил с кровати чистую одежду и направился в ванную.

Пусть промокнуть он не успел, но от сырости и беготни хотелось освежиться. Вскоре из-за двери донёсся мерный шум воды.

За окном продолжало шуметь — ливень и не думал утихать, разгораясь с новой силой.

Выйдя из ванной и вытирая полотенцем влажные волосы, Цзян Хуай бросил взгляд на стену дождя, беспокоясь за Второго брата. Тот ведь уходил без зонта.

[0165] Словно прочитав его мысли, телефон через пару минут ожил — звонил Второй брат.

— Цзян-ге, тут такой ливень, что мы в центре ни одного такси поймать не можем! Похоже, сегодня уже не вернусь.

Сквозь динамик отчётливо пробивался шум воды, и Цзян Хуай не удержался от наставлений:

— Вы там осторожнее будьте! Если машины не ловятся, не рискуйте, оставайтесь в городе.

Он отлично знал, каково это — пытаться поймать такси в центре в такую погоду. Второму брату сегодня точно не выбраться.

[0175] Второй брат и сам это понимал. Посмотрев на сплошную стену дождя, он попросил:

— Цзян-ге, раз уж я не приеду, выдерни мой зарядник из розетки, а? Забыл отключить, когда уходил.

Слыша это уважительное «Цзян-ге», Цзян Хуай с улыбкой фыркнул:

— Да иди ты! Всё сделаю, гуляй давай.

Узнав, что Второй с девушкой вернулись в торговый центр, он со спокойной душой повесил трубку, шустро взобрался на койку Чжоу Туаня, вытащил зарядное устройство и спустился обратно.

Двигался Цзян Хуай бесшумно, но, ступив на пол, обнаружил, что Фу Байцинь пристально смотрит на него.

— Что-то не так? — с лёгким недоумением спросил он.

Фу Байцинъ не пытался подслушивать, но в маленькой комнате голос звучал достаточно громко, так что весь разговор невольно дошёл до его ушей.

Встретившись с ясным, янтарным взглядом Цзян Хуая, он ненадолго замер.

Затем запустил руку в карман, достал аккуратно упакованную шоколадную конфету и протянул её Цзян Хуаю.

Тот удивлённо распахнул глаза. Надо же, у Фу Байцинъ в кармане припрятан шоколад!

Застыв в растерянности, Цзян Хуай смотрел на протянутую ладонь, не совсем понимая, что происходит.

Фу Байцинъ ровным голосом произнёс:

— Чжоу Туань сегодня не придёт.

— А?..

«И что с того?» — Цзян Хуай всё ещё не улавливал связь.

— Твой шоколад отменяется, — так же спокойно продолжил Фу Байцинъ. — Много сладкого вредно, но держи одну на ночь. И ложись спать пораньше.

Вложив шоколадку в руку Цзян Хуая, он отвернулся и скрылся за дверью ванной.

Цзян Хуай опустил взгляд на ладонь. Конфета оказалась точно такой же, как и те, из красивой коробочки в форме зверушек, которыми его угощали два дня назад.

Зажав лакомство в кулаке, он почувствовал, как внутри закипает странное ощущение.

«Постойте-ка... Насчёт меня что, только что проявили заботу? Фу Байцинъ меня подкормил?»